

Научная статья

УДК 347.44

DOI 10.47475/2618-8236-2022-17401

Риски при заключении взаимосвязанных мировых соглашений

Александр Владимирович Сафонов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. kgprav@csu.ru

В статье анализируется проблема рисков при заключении взаимосвязанных мировых соглашений, в частности, подробно рассматривается ситуация, когда сторона без уважительных причин не представляет суду ходатайство об утверждении подписанного мирового соглашения, заключение которого было обусловлено другим мировым соглашением. Автор приходит к выводу о необходимости применения доктрины запрета противоречивого поведения и предлагает законодательно установить следующее правило: если сторона недобросовестно уклоняется от утверждения подписанного мирового соглашения, заключение которого обусловлено утверждением судом мирового соглашения по другому делу, то ходатайство этой стороны об утверждении мирового соглашения считается поданным.

Ключевые слова: утверждение взаимосвязанных мировых соглашений, доктрина запрета противоречивого поведения

Original article

Risks in the conclusion of interrelated settlement agreements

Aleksandr V. Safonov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kgprav@csu.ru

The article analyses the problem of risks in the conclusion of interrelated settlement agreements, in particular, the situation is examined in detail, when a party, without good reason, does not submit a petition to the court for approval of a signed settlement agreement, the conclusion of which was conditioned by another settlement agreement. The author comes to the conclusion that it is necessary to apply the doctrine of the prohibition of contradictory behavior and proposes to legally establish the following rule: if a party in bad faith evades the approval of a signed settlement agreement, the conclusion of which is conditioned by the approval of the settlement agreement by the court in another case, then the petition for approval of the settlement agreement on its part is considered filed.

Keywords: affirmation of interrelated settlement agreements, doctrine of prohibition of contradictory behavior

Как известно, риски при заключении мирового соглашения неизбежны для сторон судебного процесса. Прежде всего, это риск неисполнения условий соглашения в добровольном порядке, который может трансформироваться в неисполнение или затруднения в исполнении условий мирового соглашения в исполнительном производстве, риски возможного банкротства контрагента и оспаривания условий мирового соглашения кредиторами должника.

Однако при одновременном заключении сторонами нескольких взаимообусловленных мировых соглашений появляется дополнительный риск исполнения одного мирового соглашения

и неисполнения, а иногда и неутверждения судом другого. При этом как материальное, так и процессуальное законодательство не содержит специального механизма защиты от такого недобросовестного поведения стороны мирового соглашения. Не является очевидным и применение статей 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹ в ситуации, когда сторона не представляет суду ходатайство об утверждении подписанного мирового соглашения. Формально ее поведение соответствует принципу

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 08 декабря.

свободы договора (добровольности заключения мирового соглашения и направления в суд ходатайства об его утверждении).

Нередко в судах стороны инициируют сразу несколько процессов, которые могут возникать как из одного, так и разных материальных правоотношений (например, разные договоры между одними и теми же контрагентами), а также иметь как одинаковый, так и различный субъектный состав участников процесса (например, с разных сторон участвуют две группы юридических лиц, каждая из которых объединена своими экономическими интересами). При этом состав участников процесса может меняться в силу процессуального правопреемства, неизменными остаются только лица, контролирурующие группы компаний.

В этом случае стороны могут договориться о завершении судебных процессов путем заключения нескольких взаимобусловленных мировых соглашений. Вместе с тем реализация такого намерения зачастую наталкивается на целый ряд ограничений процессуального характера. Так, согласно п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» (далее — Постановление № 50)¹ стороны могут заключить мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований, которое утверждается арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьей 141 АПК РФ. Действующее процессуальное законодательство допускает заключение мирового соглашения исключительно в отношении одного дела (всех или части заявленных в его рамках требований). Со ссылкой на указанное разъяснение суды отказывают в утверждении мировых соглашений, регулирующих отношения сразу по нескольким спорам. Иными словами, заключить одно мировое соглашение по нескольким делам нельзя.

Не позволяют объединять в одно производство дела с различным субъектным составом, но имеющие одних и тех же контролирующих лиц, и действующие редакции ст. 130 АПК РФ и ст. 151 ГПК РФ.

В условиях, когда стороны не доверяют друг другу, нельзя решить задачу окончательного разрешения всех судебных споров и одновременным подписанием сторонами нескольких мировых соглашений. В этом случае одна из сторон неизбежно оказывается в преимущественном положении, ведь у нее есть право после утверждения «своего» мирового соглашения отказаться ходатайствовать об утверждении мировых соглашений по прочим делам.

¹ О примирении сторон в арбитражном процессе: Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

Еще сложнее выглядит ситуация, когда заключение одного мирового соглашения стороной на невыгодных для нее условиях обусловлено заключением мирового соглашения по другому делу, в котором сторона реализует свои имущественные интересы и тем самым компенсирует возможные убытки.

Внесенные в 2019 году изменения в ГПК и АПК РФ (ч. 3 ст. 153.9 ГПК РФ, ч. 2.1 ст. 140 АПК РФ)² в части их дополнения соответственно положением о возможности включения в мировое соглашение условий, которые не были предметом разбирательства, но связаны с заявленными требованиями, также не решают данную проблему. Эти изменения логически взаимообусловлены положениями абз. 2 ч. 1 ст. 43 ГПК РФ и ч. 2 ст. 51 АПК РФ, из которых следует, что в мировом соглашении может быть разрешен вопрос о правах и об обязанностях третьих лиц по отношению к одной из сторон. Подобное соглашение, очевидно, способствует предотвращению будущих споров, связанных с первоначальным процессом, достижению процессуальной экономии (например, разрешение в мировом соглашении судьбы возможных регрессных требований иска к третьему лицу), но включить в предмет такого мирового соглашения права и обязанности сторон, в отношении которых уже рассматривается иной спор в суде, подобное регулирование не позволяет.

Исключена пока судебной практикой и возможность заключения мирового соглашения под условием. Арбитражные суды, ссылаясь на п. 13 Постановления № 50 считают недопустимым, чтобы мировое соглашение содержало признаки сделки под условием (п. 1 ст. 157 ГК РФ), так как неизвестно, наступит ли соответствующее условие, и, следовательно, ставится под сомнение реальное исполнение мирового соглашения³. Действительно, мировое соглашение под отлагательным условием не содействует урегулированию спора и не отвечает критерию исполнимости судебного акта.

Кроме того, если поставить возможность принудительного исполнения мирового соглашения в зависимость от утверждения мирового соглашения по другому делу, то это может привести к тупииковой ситуации — когда мировое соглашение по первому делу утверждено судом, истец

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля.

³ Постановление АС Московского округа от 22 июля 2016 г. по делу № А40-179012/2014-182-110; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.02.2018 № Ф08-11373/2017 по делу № А20-2612/2015.

лишен возможности повторно обратиться в суд с аналогичным требованием по данному делу, но при этом исполнение мирового соглашения «заблокировано» фактом неутверждения мирового соглашения по второму делу по независящим от него причинам (например, отказ другой стороны от его утверждения, заявленный в суде). Для истца это будет равносильно отказу в иске по первому делу, что очевидно отличается от условий утвержденного судом мирового соглашения и намерения сторон.

Нельзя признать решением описанной проблемы и отказ в выдаче исполнительного листа судом на утвержденное мировое соглашение в случае немотивированного отказа незаинтересованной стороны от ходатайства об утверждении мирового соглашения по другому делу. Такой подход имеет тот же недостаток. Первое дело рассмотрено, мировое соглашение утверждено, а правовые последствия, заложенные в тексте мирового соглашения, не наступили.

Думается, что надо исходить из двойственной правовой природы мирового соглашения. С одной стороны, это процессуальный документ, на основе которого суд в случае его удовлетворения прекращает производство по делу. С другой стороны, мировое соглашение, заключенное сторонами в гражданском деле, по смыслу ст. 153 ГК РФ, представляет собой сделку, поскольку оно направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Как справедливо отмечено в пункте 9 Постановления № 50 к данной сделке, помимо норм процессуального права, подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора (ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Необходимо также учитывать особенности мирового соглашения, характеризующие его как сделку и как договор:

- права и обязанности сторон мирового соглашения в императивном порядке возникают не с даты его заключения, а в момент утверждения его судом. В связи с этим М. А. Рожкова сравнивает мировое соглашение, не представленное в суд для утверждения либо представленное, но в утверждении которого суд отказал, с незаключенным договором [2, с. 271];
- отсутствие правовых последствий у подписанного сторонами, но не заключенного мирового соглашения. В литературе встречается осторожная критика данного тезиса. Если по мировому соглашению предварительно в счет долга будет передано какое-то конкретное имущество, то в случае неутверждения мирового соглашения, переданное надлежит расценивать как не-

основательное обогащение [1, с. 125]. Вместе с тем подобная квалификация лишь подтверждает предыдущий тезис. Неосновательное обогащение подразумевает отсутствие заключенного договора. Правовые последствия в данном случае связаны с фактическими действиями сторон по исполнению отсутствующего обязательства. Подобная квалификация в полной мере применима и к исполненному мировому соглашению, в утверждении которого отказал суд. В зависимости от содержания материальных правоотношений между сторонами спора и принятого судом решения по делу такие действия будут расцениваться либо как частичное или полное исполнение первоначального обязательства¹, либо как неосновательное обогащение;

- возможность принудительного исполнения мирового соглашения путем выдачи судом исполнительного листа;
- прекращение производства по делу в момент утверждения мирового соглашения судом и возникновение обязательств в соответствии с условиями мирового соглашения (новационный характер сделки).

Договорная природа мирового соглашения и перечисленные особенности наталкивают на поиски правовых механизмов для решения рассматриваемой проблемы в области договорного права, общих положений обязательственного права и норм о сделках.

Усматривается как минимум две предусмотренных законодателем аналогии² с ситуацией, когда сторона без уважительных причин не представляет суду ходатайство об утверждении подписанного мирового соглашения, заключение которого было обусловлено другим мировым соглашением:

¹ Например, по спору о взыскании суммы долга по договору займа и процентов за пользование денежными средствами стороны заключили мировое соглашение, в котором предусмотрели только обязанность по возврату суммы основного долга. В случае отказа в утверждении мирового соглашения судом произведенная по нему оплата согласно ст. 319 ГК РФ сначала пойдет в погашение долга по выплате процентов по договору займа, а в оставшейся части — суммы основного долга.

² Необходимо оговорить, что применение п. 1. ст. 165 ГК РФ по аналогии права в большинстве случаев невозможно, так как для признания судом сделки, требующей нотариального удостоверения, действительной необходимо ее полное или частичное исполнение добросовестной стороной, чего в момент заключения мирового соглашения практически никогда не наблюдается. Стороны лишь договариваются о возможных действиях в будущем, направленных на урегулирование спорного правоотношения.

1. Стороны подписали договор, но одна из них уклоняется от государственной регистрации договора или перехода права на недвижимое имущество по договору (п. 2 ст. 165 ГК РФ и п. 3 ст. 551 ГК РФ);
2. Если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ).

Основываясь на содержании перечисленных норм, применительно к рассматриваемой проблеме гипотетически *de lege ferenda* можно предложить следующее решение. Если сторона недобросовестно уклоняется от утверждения подписанного мирового соглашения, заключение которого обусловлено утверждением судом мирового соглашения по другому делу, то ходатайство этой стороны об утверждении мирового соглашения считается поданным.

Во всех трех случаях (анализируемая ситуация и две приведенные аналогии) можно выделить схожие черты: правила основаны на идее запрета извлечения выгоды из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ); применение доктрины запрета противоречивого поведения (*venire contra factum proprium*) [5, pp. 45–76]; нарушение касается именно разумных ожиданий добросовестного поведения стороны договора (в частности, совершения контрагентом действий, направленных на реализацию подписанного договора или невмешательства в естественный ход событий, имеющих юридическое значение для совершения сделки) [4, pp. 639–665]; правовой результат достигается через судебный *ex post* контроль, который призван установить соответствие условий, содержащихся в перечисленных нормах, фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела.

Различия имеются в приемах борьбы с недобросовестным поведением одной из сторон сделки. В первом случае это конвалидация, то есть исцеление сделки, путем восполнения недостающего действия стороны (волеизъявление стороны на государственную регистрацию сделки или перехода права) для наступления всех правовых последствий сделки. Во втором случае юридическая фикция наступления или ненаступления условия договора против той стороны, которая этому недобросовестно препятствовала. Названные отличия обусловлены разными стадиями обязательственного правоотношения, в которых наблюдается недобросовестное поведение (заключение или исполнение договора).

Очевидно, что непредставление стороной суду ходатайства об утверждении подписанного миро-

вого соглашения, заключение которого было обусловлено другим мировым соглашением, следует отнести к стадии заключения договора. И с этой точки зрения рассматриваемая ситуация ближе к конвалидации, но предложенная формулировка «...ходатайство этой стороны об утверждении мирового соглашения считается поданным» не оставляет сомнений в применении юридической фикции.

Впрочем, юридическая техника не имеет в данном случае первоочередного значения. В научной литературе даже встречаются случаи смешения этих понятий. Так, Е. М. Тужилова-Орданская и В. Е. Лукьяненко, рассматривая вопрос о конвалидации недействительных сделок, пришли к выводу, что в случае судебного исцеления ничтожных сделок дефектность субъектного состава или порок в форме, имеющие место на момент совершения сделки, невосполнимы: судебное решение в данных случаях не устраняет порока субъектного состава или порока в форме, поэтому есть основания говорить, что конвалидация этих составов ничтожных сделок по механизму представляет собой законодательно установленную фикцию исцеления недействительной сделки [3, с. 532].

С учетом изложенного правило можно сформулировать и с использованием механизма конвалидации. Например, суд вправе утвердить мировое соглашение в отсутствие соответствующего волеизъявления одной из сторон, если установит, что заключение мирового соглашения обусловлено заключением другого мирового соглашения, утвержденного судом, и уклоняющаяся сторона не представила суду доказательств уважительности причины изменения правовой позиции по делу.

Важно, что предлагаемое решение, помимо исключения вероятности необоснованного уклонения стороны от утверждения мирового соглашения, направлено на прекращение всех судебных разбирательств, по которым заключены мировые соглашения, и исполнение их условий. В этом случае стороны не обременены доказыванием общности субъектного состава по рассматриваемым делам или связанности исковых требований. Для реализации данного предположения потребуется лишь упоминание в тексте мирового соглашения факта, что его заключение обусловлено одновременным заключением мирового соглашения по другому делу, а судебный *ex post* контроль будет осуществляться в момент утверждения мирового соглашения. Проведение же отдельных судебных процессов, как в случаях применения п. 2 ст. 165 ГК РФ и п. 3 ст. 551 ГК РФ, не требуется.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022.

Одобрена после рецензирования 20.11.2022.

Принята к публикации 25.11.2022.

Список источников

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др. ; под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2021. 460 с.
2. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. 290 с.
3. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 519–539.
4. Mitchell C. Leading a Life of its Own? the Roles of Reasonable Expectation in Contract Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2003. Vol. 23. Pp. 639–665.
5. Neme Villarreal ML. Subjective Good Faith and Objective Good Faith: Misunderstandings from a Lack of Clarity in the Distinction of These Concepts (Buena Fe Subjetiva y Buena Fe Objetiva: Equivocos a los Que Conduce la Falta de Claridad en la Distinciyn de Tales Conceptos) (Spanish). *Revista de Derecho Privado*. 2009. № 17. Pp. 45–76.

Информация об авторе

А. В. Сафонов — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права, адвокат.

Для цитирования: Сафонов А. В. Риски при заключении взаимосвязанных мировых соглашений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 4. С. 5–9. DOI 10.47475/2618-8236-2022-17401.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2022. Vol. 7, iss. 4. Pp. 5–9.

References

1. Abushenko DB, Branovitsky KL, Zagainova SK, Yarkov VV (ed.). Actual problems of civil and administrative proceedings. Moscow: Statute; 2021. 460 p. (In Russ.).
2. Rozhkova MA (ed.), Eliseev NG, Skvortsov OYu. Contract Law: Agreements on Jurisdiction, International Jurisdiction, Conciliation, Arbitration (Arbitration) and Settlement Agreements. Moscow: Statute; 2008. 290 p. (In Russ.).
3. Tuzhilova-Ordanskaya EM, Lukyanenko VE. Convalidation of invalid transactions in Russian Law. *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*. 2019;(3):519-539. (In Russ.).
4. Mitchell C. Leading a Life of its Own? the Roles of Reasonable Expectation in Contract Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2003;(3):639-665.
5. Neme Villarreal ML. Subjective Good Faith and Objective Good Faith: Misunderstandings from a Lack of Clarity in the Distinction of These Concepts (Buena Fe Subjetiva y Buena Fe Objetiva: Equivocos a los Que Conduce la Falta de Claridad en la Distinciyn de Tales Conceptos). *Revista de Derecho Privado*. 2009;(17):45-76. (In Spanish).

Information about the author

A. V. Safonov — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Advocate.

For citation: Safonov AV. Risks in the conclusion of interrelated settlement agreements. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2022;(4):5-9. (In Russ.). DOI 10.47475/2618-8236-2022-17401.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.